

Быстро упорядочив в уме информацию о Ся Чуньяне и сделав глубокий вдох, Гэ Чжучжу сказала:

— Давайте пока будем считать Боевой Союз зарубежной силой, а Ся Чуньяна — представителем материка. Благодаря связи с Ся Чуньяном, Боевой Союз раскрыл свои отношения с нынешним главой семьи Лу — Лу Шэнжуном. Семья Лу уже столетие укоренена в Гонконге. За это время они играли роль нейтрального арбитра среди теневых сил, тесно связанных с ними. Затем глава крупнейшей банды Гонконга, Хуан Пиншэн, также раскрыл свои связи с госпожой Лян Синьянь, а бывший гонконгский наркобарон, а ныне поставщик оружия в Юго-Восточной Азии, Мо Хайхао, сделал то же самое. Трое ключевых фигур в теневых силах за последний месяц четко определили свои позиции. Их выбор, а также тот факт, что семья Ся, к которой принадлежит Ся Чуньян, возглавляет движение за возвращение, означает, что в ближайшее время в теневых организациях произойдет раскол. Из-за недостатка информации я не могу точно сказать, какую роль сыграл Ся Чуньян в этих событиях, но судя по поверхностным данным, все они начали действовать после контакта с ним.

То, о чем говорила Гэ Чжучжу, Чжугэ Чаншэн и остальные знали лишь в общих чертах, но не осознавали, что Ся Чуньян был связующим звеном во всех этих событиях.

— На мой взгляд, Ся Чуньян — это как нить, которая связывает весь круг теневых сил Гонконга и семью Лу из Боевого Союза, но эта связь скорее враждебная, чем дружественная. Теперь эта связь распространилась и на нас...

На этом Гэ Чжучжу резко остановилась, в ее голове мелькнуло несколько идей. Она быстро достала бумагу и ручку и начала что-то записывать.

Привыкнув к тому, что Гэ Чжучжу часто прерывает свою речь, когда находит новую идею, все спокойно приняли это и перевели взгляд на Чжугэ Чаншэна.

Янь Цзяшэн, представляя всех, задал вопрос:

— Председатель, мы в общих чертах поняли, о чем говорит Чжучжу. А какова ваша позиция? Или как вы хотите, чтобы мы выразили свою?

Чжугэ Чаншэн оглядел своих товарищей и с привычным спокойствием объявил свое решение:

— Меня не волнуют внешние дела — это поле битвы для старших. Но в ГС... это наша территория, и только мы здесь решаем! Мне все равно, Боевой Союз это или силы материка, в ГС должен быть только один голос — голос нашего Студенческого совета!

Из-за состояния здоровья Чжугэ Чаншэн всегда был мягким. Это стало почти аксиомой для их поколения и их семей, но сейчас его властное заявление действительно потрясло всех.

— Председатель...

— Те, кто готов участвовать, остаются. Кто не готов — может уйти. Заранее предупреждаю: как только вы выйдете за дверь, вы больше не будете иметь отношения к этому делу, что бы ни случилось. Но вы останетесь членами Студенческого совета, и ваш статус в ГС не изменится. Так что не переживайте.

Чжугэ Чаншэн объяснил свои слова.

Несмотря на это, атмосфера в зале становилась все более напряженной. Даже Сунь Лян, который возлагал большие надежды на Ся Чуньяна, не решался высказаться.

Они в ГС представляли не только Студенческий совет, но и свои семьи. Их слова и действия в глазах других были ориентиром для их семей. Пользуясь привилегиями и благами, которые давали им их семьи, они обязаны были нести ответственность и не могли действовать по своему усмотрению.

В таких важных вопросах они обычно советовались с семьями. Как и в случае с Боевым Союзом. Но слова Чжугэ Чаншэна явно выражали его личную волю, и даже намекали на то, что он будет настаивать на своем, даже если семья Чжугэ будет против...

Спросили бы они себя, хватило бы им такой смелости?

В тишине первым заговорил Чжу Синьюй:

— Я участвую.

Взгляды всех устремились на него. Никто не ожидал, что первым согласится именно Чжу Синьюй. Ведь это шло вразрез с его обычной манерой поведения.

Остальные не решались спросить, но Сунь Лян не стал сдерживаться:

— Старина Чжу?

Чжу Синьюй немного подумал и сказал:

— Я общался с Ся. Его... нельзя судить по обычным меркам. Хороший он или плохой — я пока не могу сказать. Но в этом деле я должен участвовать, и наш Студенческий совет не должен ставить Ся на один уровень с Боевым Союзом. Потому что они принципиально разные... Не только в плане силы, но и в мышлении...

На самом деле, Чжу Синьюй хотел сказать, что Ся Чуньян мыслит иначе, чем обычные люди, а его невероятная сила только усиливает это. Он всерьез опасался, что если Студенческий совет не вмешается и не направит или не ограничит его действия, то неизвестно, к чему это приведет.

Но эти слова были слишком субъективны, и Чжу Синьюй не хотел вводить своих товарищей в заблуждение, поэтому выразился осторожно.

Однако часто то, чего мы больше всего боимся, сбывается мгновенно.

Опасения Чжу Синьюя начали воплощаться в жизнь, когда в дверь зала постучали...

Лю Бинь, убежденный Одиннадцатым остаться и наблюдать за развитием событий, не мог пойти с Чжугэ Чаншэном и остальными на собрание. А поскольку общежитие было временно закрыто, всех проживающих студентов переселили в другие корпуса. Лю Бинь, хотя и был недоволен, опасаясь, что его могут разлучить с Ся Чуньяном, понимал, что в ГС слово председателя Студенческого совета было законом. Даже он, не интересующийся внешними делами, знал, что открытое сопротивление бесполезно, и нужно искать другие пути.

Когда он начал собирать вещи, следуя указаниям Дисциплинарного комитета, Одиннадцатый вдруг закричал:

— Быстрее! Ищи Ся Чуньяна! Забудь о вещах!! Скорее! Сообщники Лян Цзяньюаня хотят нас схватить! Быстрее!

Лю Бинь замешкался, его движения не просто замедлились, а почти полностью остановились.

Видя это, Одиннадцатый чуть не подпрыгнул от отчаяния:

— Не тормози сейчас! Ищи Ся Чуньяна! Быстрее!

Ему было невыносимо видеть, как Лю Бинь в самый ответственный момент теряет хватку. Он уже пережил Главную Систему, неужели теперь он попадет в руки Четвертого?!

Но чем больше Одиннадцатый торопил, тем сильнее Лю Бинь замирал. Казалось, он слышал, как приближаются беспорядочные шаги, и все, чего он хотел, — это спрятаться в углу, свернуться в клубок и отгородиться от внешнего мира...

Одиннадцатый видел состояние Лю Биня и чувствовал, как его память перегревается от быстрых вычислений. Его хозяин был физически слаб и не мог даже обогнать обычного человека, не говоря уже о подручных Четвертого! И вдобавок он решил заболеть в самый неподходящий момент. Одиннадцатый чувствовал, что его системная жизнь полна трагедий, которые невозможно описать словами.

Заметив, что подручные Четвертого и некоторые колеблющиеся члены Дисциплинарного комитета вступили в небольшой конфликт, что временно замедлило их продвижение, Одиннадцатый решил действовать наобум. Он снова развернул перед Лю Бинем виртуальный экран, на котором появился Ся Чуньян. На экране Ся Чуньян тренировался с мечом, хотя меча в руках у него не было, но каждый его жест был четко виден.

Беспокойство, тревога и сопротивление в глазах Лю Биня немного утихли при виде Ся Чуньяна, но этого было недостаточно для Одиннадцатого.

После быстрых расчетов Одиннадцатый понял, что его тон вызвал у Лю Биня тревогу, что привело к приступу. На этот раз он заставил себя говорить как можно спокойнее и мягче... Как же он злится! Как безумен! Память перегревается! Он система, а не нянька! Почему ему достался такой хозяин?!

Пока его память бурлила, Одиннадцатый продолжал мягко уговаривать Лю Биня:

— Плохие люди идут. Они хотят схватить тебя и навредить Ся Чуньяну. Ся Чуньян сейчас ничего не знает, ты должен предупредить его до того, как они его найдут. Ты ведь не хочешь, чтобы ему причинили вред?

Говоря это, он внутренне яростно ругался, ведь с такими способностями Ся Чуньяна, тем, кто решит его атаковать, стоит только посочувствовать!!

<http://bllate.org/book/16572/1513788>